

Александр ЛИВЕНЦОВ

Родился в 1982 году в Москве, окончил Московский технический университет связи и информатики. Работал программистом, визуализатором в архитектурном бюро.

Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый Берег», «Юность», «Новый Берег», «Волга». Ведет литературный блог «Была такая книжка».

Живет в Москве.

СРОК ДАВНОСТИ

Серёжа постучал в дверь ванной и громко, чтоб было слышно сквозь шум воды, означил:

– Доброе утро!

Собрав портфель, он замер у тумбы прихожей с чеком из автосервиса. Взгляд нехотя спустился по бумажке к итоговой сумме и коснулся её, как пальцами ноги трогают ледяную воду... грабёж – всего-то масляные фильтры.

Когда вернулся на кухню, Ира уже сидела с края табуретки, замазывала голову полотенцем; в углу обосновалось кресло, три стула обступили стол, а она скрючилась на своём насесте. Серёжа не понимал, прятал табуретку на антресоли, выносил на балкон – Ира возвращала, напоминая, что она человек привычки, и он, между прочим, тоже, и ещё он не выкинул мусор.

– Я видел твой чек из сервиса, – сказал Серёжа, ставя на плиту сковородку. – Будем её продавать, один убыток. Возьмём тебе к зиме ту глазастую, смешную. Не передумала? – сладко улыбнувшись, он разбил первое яйцо.

Ира сжала челюсти. Она так долго выбирала эту модель, море предложений, океан отзывов, и так же методично Серёжа выискивал недостатки во всём – от модели двигателя до формы фар. Теперь, значит, «глазастая и смешная»... Ира не могла привыкнуть и потому, называя себя «человеком привычки», испытывала странное болезненное удовольствие.

– Не передумала, – повернувшись к окну, она отодвинула штору. Погода стояла так себе, без дождя, но сыро, только-только отгуляло бабье лето, совсем короткое, буквально одни выходные, клёны горели, небо затянуто пасмурной дымкой, шарфы, дети с охапками листьев – всё как на открытках.

Серёжа принялся за яичницу, не выложив на тарелку и не сядя за стол. С приходом холодов голод мучил его днём и ночью. Мысли о ранней осени надоумили вспомнить:

– Сколько до годовщины осталось? – глянув на календарь, он вдруг обнаружил, – почти год со старым живём.

Ира молча кивнула, изобразила короткий интерес и бледное негодование. Поймав кроху её внимания, Серёжа не стал дожидаться, пока прожужит, и попросил:

– Скачай что-нибудь посмотреть на вечер?

– Скажи, что – я скачаю.

И сейчас, спустя десять лет брака, он волновался, смотря на неё будто на стеклянный сосуд с ядом – сладеньким, розовым на просвет, в пунктирах иристых пузырьков. С институтских лет она только краше стала, морщинки и тени легли на лицо, точно год за годом их клал кто-то умелый, мало ориентируясь на ход времени. Да, были интрижки, Серёжа позволял себе в качестве здорового интереса. Если б хотела, Ира отыскала бы уличающие эсэмэски, набрала бы другу, которым он прикрывался, но предпочла крепкий сон.

Он до сих пор не мог насмотреться на её руки, на пальчики, на шею в прозрачном пуху, когда волосы убраны в пучок, а она любила именно так и пробить спицей, лучше всего этот пух был виден, когда Ира склонялась красить ногти, что делала часами, работая над каждым миллиметром. Частенько Серёжу томило зудящее чувство, будто он, как на первом свидании, ещё не вправе хорошенько прикоснуться к ней – чувство, не покидавшее все десять лет брака. Ненадолго взглядом она могла превратить Серёжу в камень, могла натурально шипеть змеёй, когда он перебарщивал с критикой, могла порвать и швырнуть на пол порядочную сумму, если немного доставало. Зато на вечеринке, пьяная, хохотала до визга и не упускала случая пнуть мужа, зная, что ночью откупится.

Обычно если на чужие слова она с ходу не придумывала, как состричь, то молчала и отделялась кивками – коротким, если действительно была согласна, и долгими двумя-тремя, нарочито утвердительными в случае полного несогласия. Любимой забавой было соврать, чтобы тут же сознаться – то есть к первому удовольствию, как десерт к обеду, приобщить второе. Искреннюю улыбку вызывали лишь звонки подруг, на эти случаи держалось печенье в корзинке, моментально ставился чайник.

Год после института Ира работала – без амбиций, по инерции с потоком знакомых, и быстро выяснила, что к коллективу, вполне уютному, точно он весь натянул на себя мягкий свитер, она относится прохладно, и ничего тут не поправишь. Зато Ира искренне ненавидела как общественный транспорт, так и пробки. Уже будучи в браке, при первом же служебном конфликте она уволилась и больше на работу не выходила, хоть дома откровенно скучала.

Серёжа отсек вилкой кусок яичницы и, пока нёс ко рту, вспомнил:

– Лядовы развелись. Знаешь? На прошлой неделе. Мне Лена писала.

– Писала? – Ира обернулась. – Ты с ней общаешься?

– Так, шлём иногда картиночки, – Серёжа пожал плечами, тут его не в чем было заподозрить.

– А с Виталиком?

– Нет.

– Какая избирательная дружба, – она подняла брови. – И что пишет Лена? Она подала или он?

– Не объясняла. Сказала, оба ошиблись. Наверно, он то же самое сказал бы.

– А ты спроси.

Ира встала, прошла по кухне из конца в конец, потирая плечи, будто озябла, и опять замерла у табуретки. Улыбка освежила её лицо – недобрая, впрочем. Судя по застывшему взгляду и дрожащим в глазах искорках, Ира вспоминала. Продолжая раздумывать, она достала банку кофе и отмерила в турку полторы ложки.

– Виталик нравился тебе, – с набитым ртом продолжил Серёжа. – Когда его перевели к нам? На четвёртом, кажется?

– На пятом, – поправила Ира. – В начале второго семестра.

– Да, помнишь, значит... Ты причёску тогда сменила – самое короткое каре, какое я видел.

– Потрепи языком – ещё короче увидишь, – она стукнула о плиту туркой.

Кончив завтрак, Серёжа отставил сковородку к раковине, но не ушёл – стоял, опершись о столешницу, выискивал языком налипшие меж зубов кусочки желтка. Сытость расслабила его, да и просто не хотелось молчать; он чуял опасную грань и всё же пересёк её, признался – ведь у любого преступления есть срок давности:

– Мне стоило трудов обломать ваш союз.

Ира уставилась на Серёжу без слов, как на очень умную собаку. Ещё была возможность повернуть – не назад, но хоть на обочину с меньшими жертвами, можно было выкрутиться, но что-то слепое, глупое поволокло дальше.

– Ты мне так нравилась. Я, можно сказать, готовил наступление. Предыдущий твой как раз отпал, с параллельного, и тут этот Виталик, чтоб его. Как сейчас помню: захожу в аудиторию и первым делом вижу рядом с тобой его незнакомую моську. И вы всю пару вполголоса о чём-то. О чём? А?

– О тебе.

– Шутишь, это хорошо, – Серёжа помолчал, привыкая к своему новому положению... ведь минуту назад он хотел просто доесть поскорее, обуться, накинуть курточку – и вон.

Ира пристально глядела в лицо мужу.

– Я с того дня всегда сидел сзади и слушал.

– Подслушивал.

– Тебе интересно или мне прекратить?

– Мне, Серёжа, очень интересно, – она капнула в кофе сливок, расплескала и, не вытерев потеки, вернулась на табуретку.

– Короче, я узнал о вашем свидании – на углу, где поворачивали трамвай. Во время лекций шел дождь со снегом, вы рассчитывали, что к вечеру перестанет. На реке растаял лёд, вы хотели пойти туда через институтский парк, посмотреть.

Ира кивнула.

– Я стащил у Виталика телефон, а в замочную скважину твоей двери затолкал гвоздь. Погода вас подвела, он час под дождём мок. Я сидел через дорогу и считал твои звонки на его телефон, как сейчас помню – девять.

– Девять, – повторила Ира.

– На следующий день он хотел подойти к тебе, но я успел первый – приобнял по-дружески. И он прошёл мимо... как айсберг в океане. Так легко. Я даже не поверил. Потом Лена к нему на уши села, и он в ответ со всей эмпатией.

– Я так удивилась тогда, – сумрачно вспомнила Ира. Нетронутый кофе дымился в её чашке. – Зачем ты это рассказал, Серёжа?

– Сам не знаю. Надо ж было когда-то.

– Да лучше б не надо.

– Ну, извини. Я влюбился адски.

– Открылила тебя любовь, ничего не скажешь, – процедила Ира.

– Ой, сами такие гордые – не поговорили толком. Объяснились бы – и делов. Не надо мне рассказывать про чувства. Моё оказалось сильнее.

Ненадолго Серёже показалось, что Ира хочет сыграть с ним в гляделки, но она отвернулась, даже села боком, сплела пальчики в маленький округлый замок. Пушок на её шее выступил под полотенцем и осветился тёплым лучом – солнце глянуло в прореху тучи, кинуло колочий блеск на чашки.

Прежде чем уйти, Серёжа заглянул к Ире попрощаться – мучительно хотелось хоть намёка на примирение. Ира, как йог, сидела с ноутбуком посреди кровати, лицо похолодело в свете экрана, немое, точно маска, как все лица у монитора. Шторы Ира задёрнула, лишь с края окна висела полоска воздушного тюля.

– Темно, как в церкви, – вполголоса озвучил Серёжа и какое-то время стоял в дверном проёме. Ира не отвлеклась, и он прибавил громче: – я убежал.

– Беги, беги, Серёжа.

* * *

К вечеру погода испортилась, накрапывало, поднялся ветер, стемнело раньше обычного, первый слабый огонёк уже промелькнул по фонарям, и те на глазах накалялись. Но смотреть на них хотелось только из машины, а Ира отправляла то в один, то в другой магазин, и Серёжа не мог согреться из-за беготни с голой шеей. Эти неуместные покупки были наказанием за утро – но лучше так, чем долгая холодная война, в которой Ирочка была сильна и изобретательна. Сперва она послала за влажными салфетками, носовыми платками и даже новыми тапками, потом в аптеку – «Смекта», «Мирамистин», пластыри, там же новый шампунь, бальзам, ещё что-то. После Серёжа вернулся в первый магазин за пармезаном и сырокопчёной нарезкой, которые Ира вообще брала только в дорогу, плюс хорошее сухое и батон белого. После по мелочам в нескольких лавках, и последним пунктом, когда Серёжа уже подкатил к дому, грезя законной бутылкой пива, стали презервативы – это вселило надежду.

Дома, отдав пакеты, он заметил откупоренное пиво на тумбе прихожей, Ира кивнула, проследив его взгляд, и забрала покупки – как камень с души, килограмма три, не меньше, весь день его таскал. На радостях Серёжа сделал два хороших глотка – тёмное, горькое, долгожданное и разрешённое Ирой, оно показалось ещё темнее и горче. Остатки допил в душе, согрелся, растёрся и, закутанный в халат, вышел слегка пьяненький, точно на палубу. Обычно Ира включала музыку, нередко разную в разных комнатах – сегодня не стала, городские шорохи, синие и сонные, долетали тихо и в воздухе держались еле-еле.

На кухне Ира вкрутила в бутылку вина штопор и достала пробку раньше, чем Серёжа успел предложить помощь. Не откладывая, она налила в бокал, отпила и поводила щёчками; Серёжа обычно подносил горлышко к носу, нюхал с серьёзным лицом, только потом пил. С бокалом она проследовала в спальню, поведав на ходу:

– Вино дрянь. Сними наш чемодан сверху.

– Мы куда-то собираемся? – удивился Серёжа.

– С тобой соберёшься, – слышалось из-за стены, – одни лыжи зимой и летом.

Пытаясь разобраться в настроении Иры – не ошибся ли? – он полез по стремянке за чемоданом, однако на спуске так прихватило живот, что чемодан чуть не полетел вниз, кое-как прижав его к стремянке, Серёжа отдышался и тихонько сполз на пол. С мокрой спиной и слабостью в теле он докатил чемодан до кресла в прихожей и рухнул без сил. Вспомнилось мясо на обед – острое, а значит, возможно, просроченное. В животе зрело беспокойство. Как раз стоило принять «Смекту».

«Может, и беготня эта, – ненароком допустил Серёжа. – Продуло – аж знобит. Чайку надо было, а не пива. Чёрного, с лимончиком».

Ира суетилась в спальне, бормоча зло и часто, так что недавняя вера в перемирие сразу и подломилась:

– Мы куда-то собираемся... Пять лет отучала тебя каждые выходные ехать к родителям. Ненавижу твою мамашу!

Что-то хлопнуло. Серёжа задумался и не припомнил за Ирой таких резких смен настроения – значит, и не было его, хорошего, вовсе, а знаки врут. Камень, тот на три килограмма, снова лёг в груди и кило прибавил. Не простила, даже и не думала – это только начало, впереди большущий цикл примирения, выслушивания, задаривания. И именно сейчас иссякли силы мириться.

– А мои мама с папой как прокажённые. Отправляешь меня к ним дважды в год, будто посылку. Никто тебе слова дурного не сказал. Коньяк простить не можешь... выпили его коньяк, оставили без сладкого. Нормальный бы давно забыл. Одно мучение с тобой.

Отвечать не стоило – ни спорить, ни соглашаться, ни, боже упаси, менять тему. В этой ещё только зачаточной стадии скандала следовало молчать, чтобы пара вышло побольше, и только через час, по обстоятельствам, можно начать вплетать свои извинения. Сглотнув, Серёжа отметил, что слюна стала густой и вязкой. Дав себе минуту, прежде чем идти ставить чайник, он получил от Иры новую порцию:

– Это она, мамаша твоя, надоумила тебя против детей: подождать, присмотреться. Пела в оба уха. А мне тридцать пять. Ольга Аристарховна предупреждала, что я рискую. Ты, конечно, не помнишь, кто это. Никогда ничего не помнишь.

В памяти шевельнулось что-то, но тщетно.

– Мой гинеколог! – В спальне опять хлопнуло, опять суета, спешка. – Я рискую. Я, а не ты! Все обзавелись. Вика – и та с пузом. Поговорить с девочками не о чем, вечно как белая ворона, – Ира умолкла, и в недолгую паузу до слуха долетела сирена скорой с улицы, кому-то было ещё хуже... после чего Ира заговорила новым, повеселевшим тоном, – но сегодня я поняла – слава богу, без детей обошлось.

Опять в животе резануло, будто на обед Серёжа проглотил нож с вилкой, подступила и повисла тошнота – всё это вкупе с температурой и поганым настроением опьянило сильнее пива и помогло изречь быстрым экспромтом:

– Я заболел из-за твоих магазинов! Таскался ради твоих шампуней! Всего колотит, а ты...

Ира как раз выглянула из комнаты, чтоб взять чемодан, и сообщила, возвращаясь к сборам:

– Магазины ни при чём. Я тебя отравила.

– Это чем же? – Серёжа потянулся, повернулся на другой бок и прислушался, не легче ли так.

– Там на латыни было. Я даже сайта не помню, зато с доставкой в день заказа. Писали – идеальное средство от крупных диких зверей. Почувствуй себя напоследок крупным и диким.

В халате стало душно, а голые ноги мёрзли. Сердце проснулось к ночи и набирало силу, точно тяжёлый катящийся шар.

– Скачай что-нибудь на вечер... Ты все мои фильмы оплевал. Всё делаешь, чтоб я чувствовала себя дурой пустоголовой. Я уже не говорю – понравилось мне, не понравилось. Себе дороже. Я говорю – надо подумать, только бы тебя не слушать.

От бедра вниз поползла судорога, схватила правую ногу, левая испуганно подогнулась.

– Ира, ты это серьёзно?! – сипло крикнул Серёжа, боясь смотреть в дверной проём, где мелькала жена.

– Уже думаешь о промывании желудка?

В первую очередь стоило вызвать скорую, они сейчас быстро приезжают, если нет пробки. Серёжа пошарил в карманах пиджака, который, раздеваясь, бросил сюда же, на кресло.

– Где мой телефон?!

– Не ори, голова разболится. Выбросила, пока ты мылся. И его, и городской. К соседям можешь не ломиться – я предупредила, что тебя уволили и ты будешь пьяный.

Взвыла молния, чемодан распахнул пасть.

– Всё бы ладно, Серёжа. И так живут, шикарная жизнь по сути. Нам завидуют, я знаю. У меня, видать, лицо такое, что в него приятно гадо-сти говорить. Но то, что ты для нас с Виталиком сделал...

– Ты звонила ему? – вырвалось тонким, не своим голосом.

– Да! Девять раз!

Серёжа встал, качнулся вправо и по стенке заковылял к туалету, но дошёл только до ванной – его вырвало в раковину чем-то вроде кофейной гущи, сдобренной жёлтыми комками. Подняв глаза, он увидел в зеркале синие губы и пожелтевшие белки глаз, но всё через мушки, с какой-то душевной суматохой в голове.

Проследовав на кухню, Ира взяла бутылку, уже пьяная, пролила вино, наполняя бокал, и пошла назад, но у ванной остановилась.

– Ты!.. – отхлебнув, она ткнула пальцем в подрагивающего от судорог Серёжу и огласила свой приговор. – Ты поступил очень плохо!

На кухне он попытался выпить воды, но руки не слушались, и именно пить отчего-то было тошно, стакан ходил ходуном. Достав из шкафа аптечку, он перевернул её над столом и принялся искать активированный уголь или что-то такое, был тюбик с густой бесцветной пастой на случай отравления.

– Я всё упаковала, – сообщила Ира и кинула бутылку в ведро, остатками воды полила цветы, шепнула им что-то, чмокнула.

Желая взять её за горло и заодно отобрать телефон, Серёжа враскачку двинулся на жену, но тело кренилось, сил хватило лишь вернуться в кресло – и ноги сковало цепями.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась Ира. – Я искала парализующее, ты ж вон какой лось.

Посетив туалет, она заглянула в ванную, чтобы ополоснуть руки, но при виде рвоты в раковине поморщилась и вышла – лишь захватила пивную бутылку и, проходя мимо, вложила в вялую руку мужа.

– Твоё пиво, дорогой, там осталось. Не пролей, пожалуйста.

Чувствуя новые позывы к рвоте, он привстал, но мучения не разрешились. Тело мякло, проблески мыслей звали ползти на лестничную клетку, пытаться договориться с Ирой, только сил не было даже открыть рот.

– Где презервативы? – донеслось сквозь ватный горячий воздух. – Ты купил? – выкатив из комнаты чемодан, она вернулась на кухню к пакетам с покупками. – Купил. Это ты не забываешь.

Ира замерла напротив окна, сквозь цветную рябь читался её силуэт с коробочкой в руке. Ног не стало, покалывало что-то на их прежнем месте, и мерный густой ропот – точно приборя – висел в ушах, не спадая.

Застегнув чемодан одним быстрым рывком, Ира призналась:

– Сама виновата... человек привычки. Нельзя привыкать, нельзя.

Серёжа различил ноты духов, хотел поднять руку, но из неё что-то выпало, брякнуло на пол, покатилося. Сквозь шум приборя еле-еле донёлся поворот ключа в замочной скважине, дверь отворилась, и колёсики чемодана с тяжёлым стуком одолели порог.

ПОСТАРАЙТЕСЬ ВСПОМНИТЬ

Юрия Борисовича мне посоветовал приятель, который сам много лет посещал психолога и нарадоваться не мог своему прогрессу. Я погуглил: у Юрия Борисовича обнаружилось двадцать лет практики, сплошь хвалебные отзывы, борода и немалая цена приёма. Дело моё того не стоило, но Катенька настаивала, сводя ладошки, точно в молитве: ей твёрдо верилось, что проблема есть, есть грамотный специалист и, разумеется, есть решение; в конце концов, не такие большие деньги. Как сейчас помню: лифт не работал, поднявшись на свой этаж по лестнице, я набрал номер, стоял, разглядывал ступеньки и под гудки из трубки молча негодовал: «Пять тысяч за приём... за просто поговорить... рехнуться можно...»

– Алло, – тихий мужской баритон прервал гудок.

– Здравствуйте, не отвлекаю? Я от Дениса, он порекомендовал вас. Вот, получается, ищу психолога.

Это жалкое «получается» скатилось по ступенькам сухим эхом, точно только его я и сказал; уже и объяснять ничего не надо.

– Славно, – похвалил баритон. – А зовут вас как?

Я представился и кратко доложил, что мне сорок, работаю архитектором, не женат и вполне собой доволен.

– Ага, ага, – точно одобряющие запятые ставил Юрий Борисович после каждого факта моей биографии. – И что беспокоит?

– Не то что беспокоит, но в целом... получается, беспокоит, – опять это «получается». Ступеньки лестницы скользко поблёскивали. – Я третий год в отношениях. Девушку Катя зовут... женщину. Всё хорошо. Бывает, ссоримся, в пределах разумного. И я... я не сторонник гражданского брака... только не хочется свадьбы. Жениться то есть.

– Ей, стало быть, хочется. Сколько Кате годиков?

– Тридцать семь.

– Она вас ко мне погнала?

– Она.

Сверху отворилась дверь, лязгнули ключи, и эхо шагов гулом покатило меж стен. Держась за перила, по лестнице сбежал сосед, глянул в мою сторону и отвернулся, точно разом всё понял.

– Мы так поступим, – подытожил Юрий Борисович. – Вы до приёма поработаете, чтоб нам сподручнее было. Постарайтесь вспомнить побольше неприятного, связанного с женщинами, особенно подростковый период, детство. Листик накатайте, не больше. Будет полезно.

– Да, конечно, – подхватил я, довольный, что разговор идёт к концу. – Правда, я мало что помню.

– А вы постарайтесь, – настоял баритон. – Лучше с утра, пока голова пустая. Проснулись пораньше – лежите, глаза закрыты, и вспоминаете. Через силу не надо. Одно что-то выловили – и кружите около. Договорились?

– Попробую.

На том и простились.

До приёма оставалось три дня.

Я честно заводил будильник на пораньше и в первое утро с великой мукой дотянулся до него выключить, после чего немедленно уснул. По пути в офис через силу разогнал мысли, припоминая, какие пакости чинили мне девочки, но те вели себя на редкость достойно, чего не скажешь о бывших друзьях. Лишь на одной из первых институтских пьянок одноклассница, имени которой не помню, перепила и беднягу вырвало на моё колено. Я добросовестно включил это в конспект.

Второе утро оказалось успешнее: как минимум не уснул и взялся припоминать позднюю школу – наша классная меня недолгоблывала. Я оживил в памяти кудри её химзавивки, туфли на толстом каблуке, привычку вздыхать и подолгу смотреть в окно... окна в классе были высокие... по весне нас заставляли мыть их... как раз распускались почки... Опять уснул. «Елена Николаевна, классная с 9-го по 11-й», – записал следующим пунктом домашней работы.

Настало третье утро. Уже то, что я проснулся, опередив будильник, обнадежило. Снова память предъявила институтскую попойку и Елену Николаевну, но идти на приём с заблёванной коленкой и химзавивкой нашей классной было стыдно. И память поддалась. Сперва из средней школы выглянула одноклассница: долбанула меня по лбу створкой доски – они поспорили с подругами, что звук будет глухой. Прежде, в кино, одна из этих подруг вlepила мне своим беленьким пальчиком жвачку в волосы; за попытку наказать обидчицу меня услали домой прямо из фойе кинотеатра; завуч услала. Ещё раньше бабка в продуктовом дала тростью по моей сумке с яйцами, не извинилась; дома влетело от матери. Мама тоже отличилась: совсем крохой я лизнул-таки скрипучим январским вечером железный поручень. Мама опаздывала, а тут этот дурак со своим языком; пока нашла тёплую воду, она везде опоздала, и в наказание ближайшую неделю я просидел дома – шли каникулы.

«Не забыть бы...» – колотилось в уме.

Но отвлекаться на писанину было чревато. За дребезгом этих мелочей я чуял что-то большое, подлинное и, наконец, провалился в него, попутно вспомнив первую школьную линейку, детский сад, синий купол коляски с пластмассовой погремушкой, и слепящий больничный свет, и тесноту – мучительную, скользкую, и чёрный космос – тёплый, плывущий.

Вдруг я неожиданно ясно увидел... Не увидел даже – я именно расписался в журнале у бледной галочки, а следом оставила подпись другая рука – нежная, худенькая. Сердце замерло и в миг оттаяло. И Верочка просияла, смотрит на меня, того гляди завизжит от восторга. Работница загса поздравила нас, пожелала семейного счастья, а за дверями гомон, друзья, подружки – все опрятные, аккуратные, причёски по моде семидесятых. Потянулся коридор. Ноги греет слабость, того гляди оступлюсь, ладони вымокли – это нормально, в такой-то день, в этот час. И Верочка рядом – идём, смотреть друг на друга боимся. Новый зал: ковры, лепнина, в углу оркестр: рояль, скрипка, виолончель –

тот самый марш. Садится колечко на её палец, садится на мой. Согласны! Как в первый раз целую её. Сладко. Держите меня, мои ноги, держите крепче. Друзья обступили, поздравляют – дайте родителям протиснуться, имейте совесть! Опять коридор. Ноги ватные, тугие, так и липнут к полу. Отец машину заказал – «Волгу» белую, аж не верится, и время в ресторане назначено. Парадные двери резные, высокие, час назад холостым в них зашёл; сверкает витая ручка. Орава наша повалила, я прижал Верочку к груди, руки трясутся, солнце слепит. Побежали мои охламоны с лестницы – ступеньки блестят, счастливыми ногами наполированы. Внизу «Волга» дожидается, сияет, дверь распахнута. «Я люблю тебя», – шёпот в ухо. Поднял Верочку на руки, закружил, устоял кое-как, держу, не отпускаю – хохочем, а в голове юла вертится. Так и шагнул в новую жизнь. Нога ступеньку ищет, носок дрожит. Вот она – ступенька, да не вся, а край, покатый, скользкий...

Взлетел я, ребятки наши галдят, но ни их, ни лестницы, ни «Волги» не вижу – только небо перед глазами чистое, как с картинки, да крыша загса, да локон Верочки мелькнул золотом. Опомниться не успел: рухнул, тюкнуло в затылок, хрустнуло, окатило слепой болью, навалилась тьма.

Так вернуло меня в чёрный космос – тёплый, плывучий; после скользкая теснота, свет до рези в глазах, синий купол коляски с пластмассовой погремушкой, и детский сад, и школьная линейка, и январь морозный, а я, дурак, лизнул поручень; а после Елена Николаевна в химзавивке, Катя со сложенными в молитве ладонями и, наконец, Юрий Борисович попросил мягким баритоном: «Постарайтесь вспомнить».